

Р. А. МЕДВЕДЕВ

Убийство С. М. Кирова

<Из книги «О Сталине и сталинизме»>

1

В 1931–1933 годах, несмотря на крайне тяжелое положение страны, в партии не существовало никакой серьезной оппозиции сталинскому руководству. То, что почти никто не оспаривал роль Сталина как вождя партии, объяснялось несколькими причинами. Во-первых, личная власть Сталина в эти годы была чрезвычайно велика. Практически он бесконтрольно распоряжался быстро увеличивающимся и централизованным партийным аппаратом. Благодаря К. Ворошилову сохранял контроль над Красной Армией, а благодаря Г. Ягоде и Я. Агранову — контроль над органами ГПУ. Оппозиция Сталину становилась весьма опасна, и большинство тех, кто в прошлом не раз весьма критически отзывался о нем, сковывал страх. Во-вторых, значительная часть грубых просчетов и преступлений Сталина в начале 30-х годов выявилась более отчетливо лишь много лет спустя, некоторые лишь после его смерти. Так, например, очень мало людей было посвящено в тайну фальсификации политических судебных процессов 1930–1931 годов. Иные ошибочные и даже преступные действия Сталина изображались пропагандой как великие достижения. Важно отметить также, что сама необычайность ситуации, сложившейся в начале 30-х годов, способствовала укреплению власти Сталина. Перед лицом невиданных ранее трудностей большинство партийных руководителей, даже недовольных Сталиным, считало невозможным развертывать какую-то новую внутрипартийную борьбу, чтобы еще более не осложнять положения. К тому же многие руководители партии сильно изменились к 1933–1934 годам, ибо Сталину удалось не только подчинить их себе, но и развратить.

Одновременно с ростом культа Сталина между ним и значительной частью партийных кадров возникло и продолжало расти определенное отчуждение. Речь не о бывших лидерах оппозиции, а об основном руководящем ядре партии. Сталин, чувствуя это, стал все более и более продвигать вперед сравнительно молодых партийных работников и с пренебрежением

относиться к ветеранам, которые, по его мнению, уже сыграли свою роль. Постепенно в Политбюро сложилась более умеренно настроенная группа — С. М. Киров, М. И. Калинин, С. В. Косиор, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев. Их поддерживали и многие кандидаты в члены Политбюро и члены ЦК ВКП(б).

Во время голода 1933 года на Украине и Северном Кавказе Сталин настаивал на усилении репрессий против бегущих из сел и станиц крестьян, тогда как Киров призывал к сдержанности. На одном из заседаний Политбюро он высказался за «восстановление Советской власти» в деревне, где еще с времен коллективизации действовал режим чрезвычайного положения, а власть в большинстве районов принадлежала политотделам МТС. Вскоре по решению ЦК ВКП(б) эти политотделы были ликвидированы. В большинстве сельских районов были восстановлены полномочия Советов. В МТС создана должность заместителя директора по политической работе.

На протяжении 1933 года на заседаниях Политбюро Киров несколько раз выступал за более гибкую политику, за некоторую «либерализацию» режима, и его выступления встречали отклик ведущих партийных работников. Не без влияния Кирова в 1933 году Каменев и Зиновьев были еще раз восстановлены в партии. В Ленинграде Киров воспротивился репрессиям против бывших участников оппозиции. Оппозиционеры, принявшие «генеральную линию», были возвращены в ряды партии. Киров выступал за улучшение отношений между партией и писателями, а также другими группами творческой интеллигенции. Не без его участия было принято решение о ликвидации РАППа и подготовке к созыву Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

Недовольство, разочарование и протест в отношении политики Сталина были в начале 30-х годов не только у части старых большевиков, но и у части партийно-комсомольской молодежи.

Особое значение приобретают в этой связи некоторые события, связанные с XVII съездом партии, проходившим в январе — феврале 1934 года. На поверхностный взгляд, съезд был демонстрацией любви и преданности Сталину. Однако, сопоставляя скудные свидетельства некоторых старых большевиков, можно уверенно сделать вывод о том, что на XVII съезде обра-

зовался блок в основном из секретарей обкомов и ЦК нацкомпартий, которые больше, чем кто-либо, ощущали и понимали ошибочность сталинской политики. Одним из активных членов этого блока был И. М. Варейкис, тогда секретарь обкома Центральночерноземной области. Беседы проходили на московских квартирах у некоторых ответственных работников, и в них участвовали Г. Орджоникидзе, Г. Петровский, М. Орахелашвили, А. Микоян. Выдвигались предложения переместить Сталина на пост председателя Совета Народных Комиссаров или ЦИК СССР, а на пост генсека ЦК ВКП(б) избрать С. М. Кирова. Группа делегатов съезда беседовала на этот счет с Кировым, но он решительно отказался, а без его согласия все задуманное становилось нереальным. Об этих совещаниях в кулуарах XVII съезда упоминалось, правда, очень скупо и в учебнике по истории КПСС, изданном в 1962 году под редакцией секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева: «Ненормальная обстановка, складывающаяся в партии, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу».

Недовольство Сталиным отразилось на результатах голосования при выборах ЦК ВКП(б), состоявшихся на вечернем заседании съезда 9 февраля. Председателем счетной комиссии был избран В. П. Затонский, нарком просвещения Украины, а его заместителем — старый большевик В. М. Верховых. Когда в ночь с 9 на 10 февраля счетная комиссия вскрыла урны для голосования, оказалось, что Сталин получил меньше всего голосов. Против Кирова проголосовали 3 делегата съезда, против Сталина — 270. Только потому, что кандидатов выдвигалось теперь ровно столько, сколько надо было избрать членов ЦК, Сталин оказался избранным. Однако обнародовать результаты голосования даже перед делегатами съезда счетная комиссия не решилась. По свидетельству В. М. Верховых, который чудом пережил все ужасы сталинских «чисток» и лагерей, В. П. Затонский немедленно доложил о результатах голосования Л. М. Кагановичу, ведавшему организационной работой съезда. Каганович распорядился изъять почти все бюллетени, в которых была вычеркнута фамилия Сталина. На заседании

съезда 10 февраля было объявлено, что против Сталина так же, как и против Кирова, было подано всего 3 голоса. Ни в газетах, ни в изданной вскоре стенограмме съезда вообще не упоминалось о количестве голосов, поданных за того или иного кандидата. Однако Сталин знал о действительных результатах голосования. Знал он и о совещаниях делегатов съезда, на которых обсуждался вопрос о его перемещении на менее ответственный пост.

Надо сказать, что для проверки свидетельства В. М. Верховых специальная комиссия ЦК КПСС в 1957 году обследовала в партийном архиве материалы XVII съезда, в том числе особые пакеты, в которых под сургучными печатями хранились бюллетени голосования. В эту комиссию входила член ЦК, старая коммунистка О. Г. Шатуновская. По ее свидетельству, в этих пакетах, вскрытых в присутствии ответственных сотрудников партийного архива и тогдашнего директора Института марксизма-ленинизма П. Н. Поспелова, не хватало 267 бюллетеней. В. М. Верховых считал, что эти бюллетени просто уничтожили. Можно предполагать, однако, что их изъяли для всестороннего изучения в ГПУ.

На XVII съезде был значительно изменен персональный состав ЦК ВКП(б). Из прежнего состава ЦК не были избраны в новый некоторые неугодные Сталину люди — Ф. И. Голощекин, Э. И. Квиринг, Н. Н. Колотилов, В. В. Ломинадзе, Г. И. Ломов, М. Д. Орахелашвили, Л. Картвелишвили, К. А. Румянцев и другие. А избраны (минуя пост кандидата в члены ЦК) чекисты В. А. Балицкий и Б. Г. Евдокимов. Без кандидатского стажа вошли в состав ЦК Л. П. Берия, Н. И. Ежов, а также и Н. С. Хрущев — все это были фавориты Сталина. Кандидатами в члены ЦК избрали Л. З. Мехлиса и А. Н. Поскребышева, которые не были даже делегатами XVI съезда, но теперь входили в личную канцелярию Сталина. Членом ЦК стал и Г. Г. Ягода, а кандидатом в члены ЦК — М. Д. Багиров. После съезда Н. Ежов и Л. Мехлис заняли важные посты в аппарате ЦК ВКП(б). ОГПУ было преобразовано в Наркомат внутренних дел СССР, объединивший несколько прежних организаций. Тогда это было воспринято как признак некоторой либерализации.

На съезде С. М. Киров был избран секретарем ЦК ВКП(б), но, хотя Сталин настаивал на его переезде в Москву, Ленинград

оставлять не хотел. Сталин согласился, чтобы Киров временно остался во главе Ленинградской партийной организации, однако на протяжении года несколько раз требовал, чтобы он выполнял поручения, далеко выходящие за пределы обязанностей секретаря Ленинградского обкома (например, помог при уборке хлебов в Казахстане).

После съезда стало заметно отчуждение между Сталиным и Кировым, которых считали близкими друзьями. Сталин почти перестал звонить Кирову в Ленинград, хотя прежде звонил очень часто. Киров продолжал работать активно и достаточно самостоятельно. Он, например, разрешил переехать в Ленинград Д. Рязанову — «неразоружившемуся» противнику политики Сталина, к тому же исключенному из партии. Когда в Коминтерне возникали разногласия по вопросу об отношении к социал-демократии, Киров неизменно выступал на стороне тех, кто требовал поворота Коминтерна в сторону единого фронта.

На XVII съезде партии проявилось растущее недоверие к Сталину среди широких кругов партийного актива. К таким «сигналам» Сталин был всегда очень чуток. Он почувствовал опасность для своего положения и для своей власти, и эта опасность персонифицировалась для него в лице Кирова и многих делегатов XVII съезда.

2

1 декабря 1934 года в 4 часа 30 минут в Смольном выстрелом в затылок был убит член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и первый секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров. Некоторые подробности этого преступления можно узнать из биографических книг о Кирове. Однако истинные мотивы и обстоятельства убийства, ставшего первым звеном в длинной цепи продолжавшихся несколько лет трагических событий, и до сих пор не вполне ясны.

В сообщении об убийстве Кирова говорилось, что при попытке к бегству задержан стрелявший в него молодой член партии Леонид Николаев. Казалось бы, это создавало возможность тщательно расследовать все нити преступления. Однако весь ход первоначального следствия, проведенного в декабре 1934 года, противоречил закону и здравому смыслу. Не была

установлена истина и в результате следствия, проведенного органами НКВД в 1936 и в 1937–1938 годах.

На XX съезде партии Н. С. Хрущев рассказал делегатам о некоторых сомнительных обстоятельствах, связанных с расследованием дела об убийстве Кирова. В 1956 году в ЦК КПСС была создана особая комиссия, которая в течение нескольких лет проводила новое расследование этого террористического акта. Хотя со времени событий миновало более 20 лет, комиссии удалось собрать большой материал. Были получены свидетельства более трех тысяч человек. Естественно, что многие из них были неточны, противоречивы, сомнительны. Но были и не вызывающие сомнений показания и свидетельства, которые позволили комиссии составить итоговый документ о проделанной работе. Этот документ, однако, не был опубликован. Член комиссии О. Г. Шатуновская, награжденная за эту работу орденом Ленина и отправленная затем на пенсию, сообщила, что сам Н. С. Хрущев, ознакомившись с итоговым документом, спрятал его в свой сейф и сказал: «Пока в мире существует империализм, мы не можем опубликовать такой документ».

Приведу некоторые свидетельства и предположения, связанные с убийством Кирова.

Утром 2 декабря в Ленинграде распространился слух о приезде Сталина. Он приехал специальным поездом вместе с В. Молотовым, К. Ворошиловым, Н. Ежовым, Г. Ягодой, А. Ждановым, Я. Аграновым и Л. Заковским. На вокзале его встречали руководители ленинградской партийной организации во главе с М. С. Чудовым и руководители ленинградского управления НКВД во главе с Ф. Д. Медведем. Выйдя из вагона, Сталин не подал руки никому из встречавших, а Медведя ударил по лицу, не снимая перчатки. Сразу же после приезда Сталин взял руководство следствием в свои руки.

В убийстве Кирова, несомненно, нельзя винить одного Николаева. Как рассказал мне Петр Чагин, партийный работник и близкий друг Кирова, в 1934 году было несколько попыток покушения на его жизнь, явно направляемых чьей-то сильной рукой. Такая попытка, например, была предпринята во время поездки Кирова в Казахстан. Что касается Николаева, то все источники сходятся на том, что этот психически неуравновешенный человек действовал вначале по собственной инициати-

ве. Озлобленный и тщеславный неудачник, он мнил себя новым Желябовым и готовил убийство Кирова как некую важную политическую акцию.

Киров любил ходить по городу, и Николаев изучил маршруты его прогулок. Конечно, Кирова тщательно охраняли, и группа охранников в штатском, возглавляемая сотрудником НКВД Борисовым, сопровождала его, идя «лесенкой» впереди и сзади. Во время одной из прогулок охрана задержала человека, который пытался приблизиться к Кирову. Это был Николаев. В его портфеле оказался вырез, через который можно было выхватить спрятанный там револьвер, не открывая застёжку. В портфеле лежал также чертеж с маршрутами прогулок Кирова. Николаева немедленно арестовали. Его допрашивал заместитель начальника УНКВД области И. Запорожец, лишь недавно прибывший в Ленинград доверенный сотрудник Г. Ягоды. Он не доложил о задержанном своему непосредственному начальнику Ф. Медведю, который был близок к Кирову, а позвонил в Москву наркому внутренних дел Ягоде. Через несколько часов Ягода дал указание освободить Николаева. С кем он советовался? В 1938 году во время судебного процесса над участниками «правотроцкистского блока» подсудимый Ягода подтвердил, что все так и было, но одновременно утверждал, что все главные приказы он получал якобы от А. Енукидзе и А. Рыкова. Сейчас эта версия полностью отпала. Можно не сомневаться, что приказы Ягода получал от более влиятельных лиц.

Николаева отпустили, и через некоторое время он вновь был задержан на мосту охраной Кирова, которая вторично изъяла у него все тот же заряженный револьвер. Станный либерализм Ленинградского управления НКВД вызвал подозрения у людей, охранявших Кирова, но им заявили, что это не их дело, и пригрозили исключением из партии. Все же Борисов рассказал обо всем Кирову.

Николаева снова освободили, и вскоре ему удалось убить Кирова. Сталин решил лично допросить Николаева, причем в присутствии как своего окружения, так и ленинградских чекистов. Допрос велся непрофессионально и сопровождался настолько жестоким избиением Николаева, что его пришлось долгое время приводить в чувство в тюремной больнице.

Затем должен был состояться допрос начальника охраны Борисова, которого арестовали сразу после убийства. Всех аре-

стованных доставляли на допрос в легковых машинах, но за Борисовым была отправлена крытая грузовая машина, в кузов которой влезло несколько чекистов с ломками. Один из них сел в кабину шофера. На улице Воинова, когда машина проезжала мимо глухой стены склада, сидевший рядом с шофером человек неожиданно вывернул руль. Шофер сумел все же избежать наезда, и машина, задев стену по касательной, добралась до места своим ходом. Однако Борисов был уже мертв. Медицинская экспертиза дала ложное заключение о гибели Борисова в связи с автомобильной катастрофой. Но некоторые врачи, участвовавшие в экспертизе, остались живы и дали письменные показания комиссии ЦК о том, что заключение экспертизы было вынужденным и в действительности смерть Борисова наступила от ударов тяжелыми металлическими предметами по голове. Этот эпизод счел нужным рассказать на XXII съезде партии и Н. С. Хрущев.

После XX и XXII съездов партии сотни коммунистов и беспартийных писали в ЦК КПСС о своих сомнениях по поводу официальной версии убийства С. М. Кирова и сообщали при этом некоторые факты и свидетельства, которые, по их мнению, могли бы пролить новый свет на это преступление. Копии некоторых из этих писем есть и в моем архиве.

Вскоре после убийства Кирова руководителей Ленинградского управления НКВД Ф. Медведя, И. Запорожца и нескольких других, обвинив в преступной халатности, сняли и направили на работу в органы НКВД на Дальнем Востоке. В 1937 году все они были расстреляны. «Можно думать, — заявил на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев, — что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова».

Заслуживает быть отмеченным и то, что уже вечером 1 декабря 1934 года по телефонному распоряжению Сталина секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе составил и обнародовал постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Оно было немедленно обнародовано. Согласие же членов Политбюро, СНК и ЦИК СССР оформили опросом только через два дня.

Фактически это было постановление о терроре, беспрецедентное в условиях мирного времени, так как открывало широкий простор для беззаконий. Ведь при желании любое «по-

литическое дело» можно было выдать за подготовку к террористическому акту. Ускоренный порядок следствия толкал к поверхностному рассмотрению дел и прямым фальсификациям, мешал определить, виновен или невиновен подсудимый.

На основании этого постановления десятки дел, находившихся к 1 декабря 1934 года в производстве в различных инстанциях, ничем не связанных с убийством Кирова, но подпадавших под широко толкуемое понятие «контрреволюции», были спешно переданы в Военную Коллегию Верховного Суда и так же спешно рассмотрены выездными сессиями этой грозной Коллегии. Почти всех обвиняемых приговорили к расстрелу, о чем и было объявлено 6 декабря, в день похорон С. М. Кирова. В Ленинграде было расстреляно 39 и в Москве 29 человек. В следующие дни было сообщено об аресте 12 человек в Минске (9 из них были расстреляны) и 37 человек в Киеве (28 расстреляны).

С необычной поспешностью велось и следствие об убийстве Кирова. Уже 22 декабря было объявлено, что Николаев — член террористической организации, образованной из членов бывшей зиновьевской оппозиции, и что «Ленинградский центр» оппозиции принял решение убить Кирова, с которым у зиновьевцев свои особые счеты. Были названы и члены «Ленинградского центра», большинство которых действительно примыкало в прошлом к зиновьевцам. 27 декабря газеты опубликовали «Обвинительное заключение», под которым стояли подписи Прокурора СССР А. Вышинского и следователя Л. Шейнина. В нем утверждалось, что убийство Кирова было лишь частью далеко идущего плана, включающего убийство Сталина и других членов Политбюро.

«Обвинительное заключение» содержит немало противоречий и несоответствий. Виновными признали себя только трое, включая и Николаева. Но его показания, на которых и держалось все обвинение, расходились с показаниями других обвиняемых. Не подтверждали версии «Ленинградского центра» и вещественные улики — дневник Николаева, его записные книжки и прочее. В «Обвинительном заключении» эти материалы названы «фальшивками», составленными в целях маскировки. Большинство обвиняемых не признало себя виновными

и заявило, что видят Николаева впервые. Это не помешало приговорить всех подсудимых к расстрелу и немедленно привести приговор в исполнение.

Еще во время следствия Сталин затребовал от НКВД списки «неразоружившихся» зиновьевцев и сам составил списки «Московского» и «Ленинградского» центров. По свидетельству бывшего члена КПК О. Г. Шатуновской, оба эти списка сохранились в архивах, с них снимали фотокопии, по ним проводили графологическую экспертизу. Показательно, что Сталин некоторых бывших оппозиционеров записал вначале в «Московский центр», а затем перенес в «Ленинградский», и наоборот. Все поименованные Сталиным были арестованы.

Надо сказать, что в 1934 году версия Сталина о том, что именно сторонники Зиновьева организовали убийство Кирова, могла показаться правдоподобной, ибо Ленинград был в свое время центром зиновьевской оппозиции. Но как раз «правдоподобность» заставляет отнестись к этой версии с сомнением. Никому из бывших зиновьевцев убийство Кирова не могло принести никаких политических выгод. Между тем весь характер следствия, руководимого Сталиным, а также цепь последующих событий позволяют предположить, что Киров был убит не без ведома Сталина.

Отмечу, что та часть постановления ЦИК СССР, в которой говорилось об ускоренном — не более десяти дней — проведении следствия, затем уже не применялась. Вероятно, только в деле об убийстве Кирова Сталину важно было добиться быстрой судебной расправы, чтобы упрятать концы в воду. (Остальные пункты «Закона от 1 декабря» остались в силе, обвинение в террористической деятельности было наиболее излюбленным в 1937–1938 годах, поскольку позволяло не заботиться о какой бы то ни было законности в суде и следствии.)

Киров, хоть и обладал многими чертами, характерными для окружения Сталина, все же как личность во многом отличался от него. Он был прост и доступен, близок рабочим, часто бывал на предприятиях, обладал огромной энергией, ярким ораторским талантом, неплохой теоретической подготовкой. Влияние Кирова в стране увеличивалось, и в 1934 году он был, несомненно, вторым по авторитету человеком в партии. Когда летом 1934 года Сталин впервые серьезно заболел и возник во-

прос о его возможном преемнике на посту генсека, Политбюро единодушно высказалось за кандидатуру Кирова.

Грубый, властолюбивый, подозрительный и жестокий, Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова не могли не вызвать у него зависти и подозрений. Убийство Кирова стало важным звеном в цепи событий, которые привели в конечном счете к узурпации Сталиным всей власти в стране. Вот почему версия о его причастности к убийству Кирова, которая в 1934–1935 годах могла показаться невероятной, представляется теперь весьма правдоподобной и с политической, и с логической точек зрения. <...>

8

<...> Естественно, возникает вопрос: что побудило Сталина физически уничтожить всех бывших оппозиционеров и членов других партий, не представлявших какой-либо опасности для Советской власти?

Уничтожение прежних противников не было продиктовано боязнью образования новой и более опасной оппозиции. Отчасти то была просто политическая месть. В 20-е годы у Сталина не было достаточно влияния и власти, чтобы расправиться со своими оппонентами, часто весьма резко говорившими и писавшими о нем. Терпеливо ожидая своего часа, он лишь формально принял капитуляцию большинства оппозиционеров, явно двурушничал: говорил одно, а готовился сделать другое. И немедленно уничтожил всех бывших оппозиционеров, как только почувствовал себя достаточно сильным для этого. В свою очередь, разгром и физическое уничтожение бывших оппозиционеров, обвиненных в шпионаже, измене родине, вредительстве, позволили Сталину еще больше укрепить свою власть и влияние. Но главное заключалось, конечно, не в мстительности Сталина.

Организуя политические процессы над бывшими оппозиционерами, людьми, которые были частично скомпрометированы перед партией, людьми, в чью виновность, казалось бы, нетрудно поверить, людьми, растерявшими связи с партией и народом и поэтому беззащитными перед Сталиным, он стремился создать в стране обстановку чрезвычайного положения, запугать

народ и партию, заставить всех поверить в существование разветвленной сети врагов и шпионов и на этом основании получить в свои руки чрезвычайные полномочия в качестве «спасителя» Советского государства.

Немалое значение имело и стремление свалить на «врагов народа» все политические и экономические трудности. Любому деспоту, насаждающему культ своей личности, нужен козел отпущения. Если в 1928–1932 годах таким козлом отпущения были кулаки и «буржуазная интеллигенция», то в середине 30-х годов — бывшие члены различных оппозиций.

Логика борьбы за власть в стране и в партии, логика преступления вела Сталина к уничтожению под прикрытием политических процессов 30-х годов основных кадров партии и государства, всех неугодных ему деятелей науки, культуры, независимо от того, принимали они участие в каких-либо оппозициях или нет. Все происшедшее до сих пор было только прологом и прикрытием еще более страшной и массовой террористической кампании. <...>

Л. Д. ТРОЦКИЙ **<СОВЕТСКИЙ ТЕРМИДОР>**

<Фрагменты главы из книги Л. Троцкого «Сталин»>

Более оседлая и уравновешенная жизнь бюрократии порождает потребность к комфорту. Сталин, сам продолжающий жить сравнительно скромно, по крайней мере с наружной стороны, овладевает этим движением к комфорту, он распределяет наиболее выгодные посты, он подбирает верных людей, награждает их, он помогает им увеличивать свое привилегированное положение. Каждый вопрос интересует его прежде всего с точки зрения подбора кадров, одушевление аппарата, обеспечения своего личного руководства. Так, не порывая формально с прошлым, он из революционера рабочей партии становится вождем нового привилегированного слоя. <...>

Сталин, роль которого в гражданской войне была второстепенной, стал теперь в первом ряду тех, которые устали от гражданской войны, от ее испытаний и терроризма и требовали перехода на мирное положение. Тем самым возродилась и